

Елена Степанян

Третьяковка

и другие

МОСКОВСКИЕ ПОВЕСТИ

Е. Г. Степанян

**«Третьяковка» и другие
МОСКОВСКИЕ ПОВЕСТИ**

4-е издание (электронное)

Москва

• Тервинф •

2018

УДК 821.161.1-821

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44+84(2Рос=Рус)6-6я44

С79

Степанян, Е. Г.

С79 «Третьяковка» и другие московские повести [Электронный ресурс] / Е. Г. Степанян. – 4-е изд. (эл.). — Электрон. текстовые дан. (1 файл epub). — М. : Теревинф, 2018. — Систем. требования: Adobe Digital Editions 4.5 (Windows, Android, macOS) или iBooks (4.3 для iOS либо 1.7 для macOS).

ISBN 978-5-4212-0402-2

В книгу вошли помимо новых «московских повестей» ранее публиковавшиеся поэтические произведения, а также пьеса-притча «Сказка о Медведе, о прекрасной Принцессе, о мудром Вороне и о железных башмаках».

УДК 821.161.1-821

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44+84(2Рос=Рус)6-6я44

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: «Третьяковка» и другие московские повести / Е. Г. Степанян. – М. : Оклик, 2010. – 293 с. – ISBN 978-5-91349-012-4.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-4212-0402-2

© Е. Г. Степанян, 2010

© Оформление

«Теревинф», 2015

I. Московские повести

Третьяковка

Что это было?
Что это означало?
Девочка ходила в Третьяковку
Чуть не каждый день,
Порою дважды на день.
Приходила
И, для виду побродив по залам,
На скамейке перед «Мокрым лугом»
Просидеть могла хоть целый час.

Иногда она брала с собой подружку
Или сразу двух,
Чернявых и смешливых.
Долго высидеть им было трудно,
Но они старались как могли
И тоже
На Васильевский пейзаж глядели
И шептались,
Как о чем-то очень важном,
А потом все вместе уходили.

Старая смотрительница зала
Этих посещений не заметит
Не могла.
Смотрительницы залов
В Эрмитаже, Третьяковке, Лувре, Прадо
Так порой приметливы и зорки,
Так догадливы,
Хранят такие тайны,
Что иных шедевров подороже.

Но понять, что здесь происходило
Чуть не каждый день,
Порою дважды на день,
Было слишком трудно.
Люди мыслят
Прецедентами,
А этот «Мокрый луг»
Был одним-единственным на свете...

Девочка ходила и ходила...

И смотрительница потихоньку
Все же сделала попытку разобраться
В том,
Что на глазах ее творится.

И *она*, и две ее подружки
Часто приходили в школьной форме.
Но, скорей всего, они учились
Не в десятом, а в девятом классе.
Выпускнице не позволят слишком долго
Пропадать в музее,
Мамы-папы
Пред лицом великого события —
Поступленья в вуз —
Бывают очень строги.

Значит, это был девятый класс...
Детство не закончилось,
А юность наступила —
Самая счастливая пора.
Время расцвести и размечтаться
Вдаль и вширь,
И наплевать на то,
Что не сбыться ни одной мечте.

По шестнадцатому году все
Хорошеют,
Но ее краса
В этот год была
В особой, чудной силе —
На нее не пялились мужчины,
А глаза смущенно отводили.

И она, пренебрегая всем,
Дни, которым никогда не повториться,
Проводила в Третьяковке, в этом зале,
В обожании Васильевской картины.
Здесь висели все его работы —
«Виды Крыма», «Оттепель», другие...
Всё, что он успел оставить,
Сам
Навсегда оставшись двадцатитрехлетним.

Приходя и уходя,
Она
Останавливалась на какие-то секунды
Перед каждой из его картин,
Таков был ритуал —
Поздороваться и попрощаться.

Но зрительница как-то раз,
Зал оставив ненадолго без присмотра,
Возвращалась
И ещё в дверях
Обнаружила, что девочка стоит
Не перед пейзажем,
А перед портретом
Самого Васильева,
Написанным Крамским.

Острый взгляд затылком ощутив,
Девочка отпрянула так резко,
Словно током стукнуло ее.
И четыре дня не приходила.
А на пятый день все три явились.

В этот раз они болтали громче,
Чем всегда,
На «Мокрый луг» глядели меньше,
Подходили и к другим картинам
С видом опытных искусствоведов.
И косились на смотрительницу зала.

Та, демонстративно отвернувшись,
Их не замечала.
Ей и так
Все, что можно вычислить,
Додумать,
Было хорошо о них известно.

Учатся они в английской школе
Тут поблизости,
Живут в домах советской знати,
Здесь же понастроенных —
Об этом говорили
Тонкие колечки и сережки,
Золотые, с настоящими камнями,
Обувь дорогая...
Было ясно,
Это девочки не из простых семей.

Главное неясным оставалось:
Что им дался этот «Мокрый луг»?

И пошло-поехало все то же:
Чуть не каждый день она приходит,
Иногда после уроков забегает,
Чтобы вечером засесть надолго,
А подружки пару раз еще мелькнули
И пропали вовсе.
Школьный год
Завершался.
Наступало лето.
— Неужели будет ездить с дачи?

Приезжала четко через день
До конца июля.
— А теперь, конечно,
Мама с папой повезут на юг, —
Думала смотрительница зала.
— Поглядим, что будет через месяц.

И про все это забыла напрочь.

Неожиданно войной запахло.
Все вопили о советских танках,
Раздавивших «пражскую весну»,
О каких-то новых декабристах,
Сосланных в таежные края.
По ночам с «глушилками» боролись.
Тайная добыча информации
Расцвела жизнь
Необычайно.

И хотя смотрительница зала
Свой имела взгляд на эти вещи,
Про себя она его хранила,
И во время самых жарких споров
Даже одобрительно кивала —
Как бы ни было,
Все это поднимало
Над тупым однообразием быта...

Где-то на исходе сентября
В зале Репина они столкнулись.
Старая смотрительница в зал
Торопилась свой,
А девочка спешила
В противоположном направлении.

— Я могла ее и не узнать,
Девочки меняются так быстро...
Стрижка новая,
Загар ей не к лицу...

Да, она ее бы не узнала,
Если бы не посмотрела та
Ей в глаза
Так прямо и так странно —
Раньше в сторону всегда смотрела.

День прошел,
Потом прошли недели...
И хотя смотрительница знала,
Что теперь никто уж не придет, —
Поднимая взгляд на «Мокрый луг»,
Не могла она никак привыкнуть,
Что скамейка перед ним
Всегда пуста.

Все полотна в этом зале
Для нее давно уже слились в одно,
Тонким пониманием искусства
Никогда она не отличалась,
Знала только имена —
Вот здесь Крамской,
Вот здесь Саврасов,
Вот Васильев, о котором все
Знают,
Что он страшно рано умер.

Но чтоб целый год глядеть на «Мокрый
луг»!

«Оттепель» печально величава,
«Крымский лес», таинственный,
тревожный...
Что такого в этом «Мокром луге»?

Вот опять Крамской. «Портрет Васильева».
Она вгляделась —
И отпрянула, едва не вскрикнув.

Да, не раз ей доводилось слышать
И читать
О безутешных душах,
Заточенных в собственном портрете.
И союзник трезвого рассудка,
Скептицизм,
Всегда его спасал
От того, чтоб этой мистике поддаться.

Но сейчас —
Рассудку не под силу
Опровергнуть
То, что происходит
На картине этой небольшой...

Кровью налиты его глаза,
Кровью и слезами.
По лицу,
Искаженному страданием,
Пробегают
Судорога боли... Боже! Боже!

Ведь она, придя сюда работать —
Много лет назад,
Знакомилась отдельно
С каждой картиной,
И портреты
Были ей во много раз милее,
Чем занудные тоскливые пейзажи...

Не могла она такого не заметить!
И Крамской не мог такого написать.

Что же здесь происходило?
Что сейчас
Происходит?
Ах, одно понятно:
Он остался,
А *она* — ушла.

Целый год она здесь провела.
Целый год под яростным напором
Дней волшебной отроческой силы
Отступала Времени река,
Образуя крохотную отмель —
Место их таинственных свиданий.

Эти дни иссякли.
Он остался,
А *она* ушла,
Ведь было надо
Продолжать учиться,
Начинать работать,
Выйти замуж
И родить детей.

А в соседнем зале торопили
Поздних посетителей на выход,
И пожарные бесцеремонно
Занялись проверкою объектов.
Старая смотрительница снова
Подошла к *нему*
И безотчетно
По лицу погладила рукой,
И подумала:
— Напрасно застеклили,
Без стекла ему, наверно, было б легче...

Время шло, уже гасили свет,
Был рабочий день ее окончен.
Но в дверях опять ей захотелось
Задержаться
И окинуть взглядом
Этот «Мокрый луг», слезами исходящий
О несбывшейся любви земли и неба.

Кончился ее рабочий день,
И она ушла
И больше не вернулась.

**Из книги «Матрона
Московская»**

Вступление к поэме

По нашим грехам,
По зависти, дегтя чернее,
Спускается Ангел
В одеждах — не сыщешь беднее.

Ах, матушка-зависть!
Ну нечем тебе поживиться:
Короткие ручки и ножки,
Запали пустые глазницы.

А кабы явилась Матрона
В своем настоящем обличье,
Да разве решились бы мы
Простить ей красу и величье?

Наш мир перевернут.
И все, что нам радует сердце и взгляд,
Рукою невидимой черной
Толкает нас в ад.

Меж Богом и нами
Протиснулась некогда зависть-змея,
И ранит чужая удача
Нам душу больней,
Чем потеря своя.

Зловещая тайна —
Ее не сумел разгадать псалмопевец Давид,
Отрава, чьим привкусом
Все мирозданье горчит,
И чахнут деревья,
Дыханием зависти обожжены,
И звезды на смерть и истленье
По зависти осуждены.

Вот так и живем
В заколдованном нами же царстве.
И если погибнет оно,
Куда нам податься?
Обитатели света
Не примут
Завистливых-злых —
Тогда только тьма остается,
Полна скрежетаний зубовных.

Да разве забудешь, как солнце
В автобусных стеклах плескалось!
Как небо за поворотом
С озерной водою смыкалось!
Как сказочный город бежал
Навстречу тебе, как на праздник, —
И все это тьма пожрала
И воспоминаньями дразнит!..

А что еще вспомнить?
Как дети
Дразнили неловких и слабых
И как втихомолку мечтали
Унизить красивых и храбрых,
Как мать и отец разлюбили
Себя, и друг друга, и нас...

Уходит земля из-под ног...
Скрывается небо из глаз...

Все сходится.
Да, мы виновны.
Мы выбрали участь такую.
Но был же ведь Ангел на свете,
Что души погибших взыскует!

Чего же он ждет?
Или больше
Не в силах молиться о нас?

Услышь! Помоги! Пожалей!
В последний, единственный раз...

Повесть о Дуняше

I

Село Себенó
Меж высоких хлебов затерялось.
Здесь люди как люди —
Живут, как повсюду живут.
Весною цветами любят,ся,
В страду на полях надрываются,
Бранятся, милуются,
Ведают жалость,
И лютые страсти порою им души трясут.

И детство не знает,
Что кончится быстро и сразу,
Как только потянут
Бескрайней зимы холода.
Сверкают на ветках —
 на каждом сучочке —
Алмазы,
А схватишь и спрячешь в ладонях —
Прольется сквозь пальцы вода.
И детство девчонок
Счастливей, чем детство их братьев, —
Оно осиянно мечтою волшебной одной:
Примчится жених на коне,
Нарядит в златотканое платье —
И прочь увезет от убогой сторонки родной.

Чем старше, чем краше девица —
Тем грезит она поскромнее.
Трезвее сердечко
У рано подросших невест.
Пускай не царевичи местные Вани и Гриши,
Но девичий сход их подробно расценит,
распишет,
Соседние сёла прихватит —
Да что там соседние! —
Весь Епифанский уезд.

Одной только Дуне Носковой
При этих беседах не место —
Ну лешему впору такая невеста!
В кого уродилась — никто не поймет.
Красивые ладные парни Дуняшины братья,
Сестра ее старшая Варька
В Москве на Арбате
Не в горничных — аж в камеристках —
У барыни знатной живет.

Но если бы кто увидал,
Что в Дуняшином сердце творится,
То рот бы разинул
Иль со смеху помер, поди!
Мечта, о которой давно
Позабыли другие девицы, —
Жених несказанный,
С которым никто не сравнится, —
Живет, ото всех затаясь,
В ее бедной груди.

Да что она, Дуня, безумная что ли?
С такою-то рожей!
Шкелет настоящий,
Обтянутый темною кожей.
Да нет, не похожа она на безумную,
Надо признаться —
За что ни возьмется,
Любая работа в руках ее спорится,
Кротка и приветлива,
Сроду ни с кем не поссорится,
И страсть любит в церковь ходить —
А куда еще бедной деваться?

Да как же тогда объяснить,
Что девка — страшилище с виду —
Живет, как царевна из сказки,
Не держит на Бога обиды?
Но жизнь — это ж вовсе не сказка,
А ноша тяжелая наша...
Да кто же тебя надоумил
В такое поверить, Дуняша?
Не выдаст.

Село Себенó
И бóльшие тайны скрывает:
В избе прокопченной, курной
Матрона, девчушка слепая,
Живет —
И дивится народ
От Тулы и аж до Рязани:
С какую бедою к ней кто ни придет —
Сбываются все предсказанья!
Любые болезни целит
Движением маленьких ручек.
Со старшими, словно с детьми, говорит,
Молитве и радости учит.

А кто она? Что она?
Нет, все равно не поймем.
А раз не поймем,
Так зачем и вдаваться?
Ну лечит и лечит,
Так ведь все равно все когда-то умрем...
Вот если б давала богатство!

.....

.....

...Село Себенó,
По правде сказать, небогато.
Все больше здесь тех,
Кто не деньги считает, — заплаты.
Но бедность такую
Отыщешь едва ли,
Какая у Никоновых,
У Митяя с Натальей.

Когда их четвертый ребенок
Задумал родиться —
(Уж старшая дочка на выданье,
Надо ж такому случиться!) —
Судили-рядили они,
У многих просили совета,
Решили мальчонку
(Мальчонка, по верным приметам)
Отдать, как родится,
Хотя его до смерти жалко,
В сиротский приют князь-Голицына,
Тот, что в соседних Бучалках.
— Да что тут гадать, там и грамоте учат
И всяким потребным ремеслам.
Еще и спасибо вам скажет,
Как вырастет взрослым!

О Господи! Девка родится.
Да только бы это!
Она же слепая! Сле-па-я!
От грешного белого света
Сомкнутыми накрепко веками отгородилась.
Не хочет нас видеть совсем!
Ах, зачем ты на свет появилась!

Как взвояет Наталья:
— Дитя мое бедное, как же тебя я покину?
Да лучше я вместе с тобою
От голода сгину.
Я землю есть буду,
С протянутой встану рукою,
Покуда жива,
Ни за что не расстанусь с тобою.

Заплакал Митяй:
— Это нам испытанье от Бога —
Нельзя уклониться, нельзя.
Покарает Он строго.
Мы грешны и в вере некрепки,
Чего тут лукавить.
Хотим-не хотим, а придется девчонку
оставить.

Вот так нежеланная гостья
У нас поселилась,
И жизнь наша дальше
Своим чередом покати́лась.

.....
.....

Семь лет миновало,
И смотришь-ка, Митрий с Натальей
Не померли с голоду
(Хоть и богаче не стали),
Но Марьюшка — замужем,
Миша и Ваня работать охочи,
И — чудо! — нисколько не в тягость
Слепая им доча.

Как будто лампадка,
Зажженная перед иконой,
Улыбкою счастья сияет
Малая Матрона.
Своих и чужих привечает
С такою любовью и лаской!
И страшно Наталье самой
Того, что ей мнится порой, —
Всё видят закрытые глазки.

С детьми не играет совсем,
Вот только Дуняша заходит,
Матрешу за ручку берет
И в церковь Успенья отводит.

.....

.....

Вдруг гром среди ясного неба —
Илью под арест посадили!
(Илья — это Марьюшкин муж,
Уже и троих народили.)
— Ох, тяжкие наши грехи! —
И тут голосок раздаётся,
Веселый и вроде с насмешкой:
— А завтра Илья и вернется.
— Слепая, пошла бы ты спать!
— Ложимся, ложимся скорее!
Нам завтра на гúмно с утра,
И так ничего не успеем!
— А лучше совсем не ходить.
Назад побежите вы сразу!
— Ты что, очумела, слепая?
Ты кончишь безумные сказы?

И только взялись молотить,
Несутся соседские дети:
— Илья воротился!
Назад
Помчались, забыв всё на свете.

И только Наталья едва
Бредет. И за сердце схватилась:
— Матрона, Матрона!
Ну вот, началось.
За что мне такое случилось?

Привыкла. Душа ко всему
На этой земле привыкает.
И даже к тому, что ночами порой
Над этой землею летает.

Привыкла, что дочка ее
Сидит, как царица на троне,
И люди с поклоном идут
К незрячей девчушке Матроне,

Что кто-то в их дверь по ночам
Проходит, незрим и неслышен,
И полнит избу аромат,
Как яблонь цветущих и вишен.

Привыкла, что стала вдовой,
Что Марьюшка — вся седая,
Что сколько муки ни возьмешь из горшка,
Мука в нем не убывает.

И все же порой, как сквозь сон,
Накатывает удивленье:
— Неужто сам Бог посетил
Убогое наше селенье?

Такая повсюду печаль,
Хоть пляшут, хоть свадьбы играют,
И каждого до смерти жаль —
И тех, что головушку свеся,
Бредут,
И тех, что носы задирают.

Построил Гаврилин Андрей
Себе не избу — а палаты,
На кровные деньги построил! —
И стал
Пред всеми во всем виноватый.

И братьев родных он вконец разъярил,
Четверку коней заимевши.
Не вынесли братья,
Украли коней.
Едва не повесился бедный Андрей!
Помилуй нас, Господи, грешных!

А вот у Носковых беда!
Такая, что вымолвить страшно.
За месяц один и отца схоронили,
И старшего брата Дуняши.
От брата вдову и двенадцать сирот
В наследство они получили.
Старуха Носкова ослепла от слез,
Завидует тем, кто в могиле.

.....

И тут прямо чудо случилось!
Нашелся на Дуню купец:
В соседнем селе многодетный,
Но вовсе не бедный вдовец.

У матери высохли слезы.
Она и мечтать не мечтала!
А Дуня услышала — и обмерла,
До церкви родимой едва добрела,
Пред образом Спаса упала.

Молилась, рыдала,
Винилась в грехах
Пред Господом и пред всеми,
Просила от новой беды упасти
Вдовца горемычного семью.
— Ведь я не смогу у них долго прожить!
За что ему снова жену хоронить?

Молилась, и стало на сердце светлей,
И вновь обрела она силы.
И только до дому дошла,
Как словно ее осенило.

Дуняша родную свою обняла
И молвила тихо сквозь слезы:
— Ты старшую замуж давно отдала,
А много ль от этого пользы?
Ведь Варькин-то муж
И совсем богатей —
Аж в Питере лавку имеет!
И не дал копейки на братних детей,
А Варька и пикнуть не смеет.

— Ты всё о других! А что будет с тобой,
С голубкой моей бесталанной!
Остаться навеки чужою рабой
И так и прожить до доски гробовой
Без сёмьи, без деток желанных?

А Дуня хоть слушает эти слова,
Да мимо ушей пропускает.
— Нас всех и всегда выручала Москва,
Пускай и теперь выручает.

Мне только бы место найти, где харчи,
А денег я даже не трону.
— А может, схожу я Матрону спросить?
— Конечно, конечно, Матрону!

— Да шепчут вокруг, что свихнулась с ума
Подружка твоя дорогая.
Как раньше народ утешала она,
Так нынче все больше пугает.

Помещик наш Яньков пришел к ней с
женой,
Совсем про другое просили, —
Она же велела именье продать
И прочь уезжать из России.
Ну, как же на это достанет им сил?
Он в это именье всю душу вложил.

Наталья боится ее, как огня,
И то мне шепнула третьёва-то дня:
Матрона такое несет
Про наших царя и царицу, —
Никто повторить не решится.

А Дуня сама себя не узнаёт —
Тверда, словно камень, спокойна, как лед.
— А мы не помещики и не цари.
Сходи и с Матроною поговори.

.....

Без стука в знакомую входит избу
Старуха Носкова в смятенье
И видит — Матрона на лавке сидит,
А перед ней на коленях
Огромный мужик, головою склонен,
И жалобно плачет, как маленький, он.

Матронушка нежные ручки над ним
Простерла и тихо бормочет:
— Ну, крепко засела гадюка-змея,
Никак убираться не хочет.
А мы ее выгоним, мы посильней.
Уходит, уходит! Мы справились с ней!